

ПРИРОДА.

Что легче простаго, голословнаго отрицанья? Сказать: *нѣтъ*, и повторить это *нѣтъ* десять разъ, ничего не стоитъ, и гораздо легче, чѣмъ высказать доказательно *да*. Немудрый человѣкъ камень закинетъ, а десятеро умныхъ его не вытащатъ. Неразумному отрицанью и невѣрію нужна только смѣлость и наглость.

Что легче разоренья и разрушенья? Созидать трудно, тутъ нуженъ умъ, смыслъ и знанье; а рушить, не заботясь о томъ, что куда полетитъ — легко: стоитъ только путемъ расходиться, коли воля дана, и дѣло сдѣлано!

Были и встарь въ числѣ такъ называемыхъ мудрецовъ, такіе, кои, чудачества ради и играя словами, отрицали все, сомнѣваясь даже въ томъ, что сами они люди, и живутъ на свѣтѣ; они утверждали, что все это мана, морока, обманъ чувствъ. Были и встарь люди, кои страстно желали

стать извѣстными, и не умѣя создать ничего хорошаго, думали прославиться хоть разореньемъ созданаго другими: такъ поступилъ поджигатель знаменитаго храма въ Ефесѣ, Еростратъ .

Но древнимъ это было простительно: они не знали христіанства, а потому, при всемъ умѣ и познаніяхъ своихъ , блуждали нравственно во тьмѣ; они не могли вѣровать сознательно въ будущую жизнь, (за исключеньемъ немногихъ избраниковъ), потому что это вѣра дана намъ позже, дана тѣмъ , кто открылъ передъ нами вѣчность, въ которую всякъ , что здѣсь заготовить , то и съ собой унесетъ . Но мы, познавшіе истину, что дѣлаемъ , и что скажемъ въ оправданье свое, коли не хотимъ видѣть далѣе сегодня, и безумно отрицаемъ будущее, не только вѣчное?

Отрицанье это можетъ истекать изъ разныхъ родниковъ , или корениться въ разныхъ началахъ :

Своеволие человѣка обуздано и стѣснено кротостію и мудростію Спасителява ученья, человѣкъ долженъ владѣть и управлять

собою; у него долженъ быть свой царь въ головѣ и въ сердцѣ, который бы заставлялъ дѣлать каждый шагъ жизни сознательно, отчетливо. Это многимъ докучаетъ : гораздо легче отречься отъ всего, покинуть всякія заботы, не признавать за собою никакого долга, и жить распустивъ поводья; день да ночь — и сутки прочь.

Человѣкъ ставитъ личность свою, свое я, въ середку, въ самое остіе міра, а иныхъ прочихъ вокругъ да около. Самолюбіе его требуетъ голоса: онъ хочетъ говорить, учить, а другіе должны слушать; но голосъ разумный и кроткій тихъ и скромень , его можетъ статься и не услышать; голосъ наглый и дерзкій громокъ , онъ раздается и оглушаетъ , онъ озадачиваетъ слабыхъ , и опровергая все, самъ себя ставитъ въ передовые и въ вожаки. Такое положенье обольщаетъ человѣка и охмелѣвшее самолюбіе его безсмысленно буянитъ . Это же самолюбіе не даетъ человѣку отступить отъ безумія своего, если онъ послѣ и сознается въ тайникѣ души своей,

что онъ , блуждая, попалъ на самый худой путь и увлекъ за собою другихъ .

Отрицанье и невѣріе бываетъ и отъ трусости и съ отчаянья. Норовя и попуская самому себѣ, какъ иногда даютъ повадку любимому ребенку и балуютъ его, человѣкъ наконецъ однако же приходитъ къ такому состоянью, что противъ воли оглядывается назадъ , и совѣсть его, этотъ святой зачатокъ , вздымаетъ на немъ волосъ дыбомъ : онъ ужасается, оглядывая беспутную и бесполезную жизнь свою, онъ страшится за будущее, не можетъ измѣнить прошедшаго, и хватается за одно настоящее: что прошло, говорить онъ , того уже нѣтъ ; что будетъ , того я не знаю, и потому отрицаю все, кромѣ настоящаго; что у меня въ рукахъ ,то вѣрно, тому я вѣрю, а болѣе ничего не хочу знать!

Но всего чаще корень этого зла таится глубже, и долго пускаетъ невидимо мочки свои подъ землею, покуда вдругъ не выгонить на Божій свѣтъ ядовитаго побѣга; объяснимъ это: человѣкъ начинаетъ размышлять обо всемъ , что ему непонятно;

при лучших намѣреньяхъ своихъ , онъ становится въ тупикъ на каждомъ шагу; то, что онъ постигаетъ чувствами, смущаетъ его менѣе, чѣмъ невидимый міръ , чѣмъ невидимый міръ , свободный полетъ разумной и пытливой души; онъ хочетъ дойти умомъ своимъ до всего, узнать все... но тутъ то и застава, незримая застава, на каждомъ шагу; онъ негодуетъ , забывается, хочетъ пробиться силою — нельзя! И вотъ та точка, гдѣ человѣкъ долженъ смириться, гдѣ онъ долженъ признать, что уму его поставлена межа и грань; вотъ гдѣ онъ долженъ видѣть конецъ свободы своей, предѣлъ умственаго полета и начало области высшей, не чувственной, а духовной, не людской, а божественной; но смириться и покориться трудно, для этого надо владѣть собою, держать себя самого въ рукахъ , а мы ужъ заранѣе распустились, мы привыкли поноравливать себѣ исподволь во всемъ ; смущенье, досада и отчаянье довершаютъ ударъ : отрекаюсь отъ всего, отрицаю все, не хочу знать ничего, кромѣ того, что могу ощупать, увидѣть или услышать!

Изрекая себѣ самому такой приговоръ , бѣднякъ , въ духовной слѣпотѣ своей, не видитъ , что добровольно сходитъ со ступени челоѳчества, и становится на ступень низшаго созданья.

Но утѣшенія вѣры даются только ищущему и хотящему, а потому убѣждать ею доказательно трудно; природа же, на которую ссылаются, как мы видѣли, и невѣрующіе, и отрицатели, природа дается всякому, она невольно всегда передъ нами, и мы среди ея; мы нехотя видимъ , слышимъ , познаимъ ее всѣми чувствами своими; мы невольно признаимъ въ ней, простымъ , здравымъ смысломъ , общіе, неизмѣнные законы и порядокъ ; оглянемся же на то, чего никто не отрицаетъ , подумаемъ и надъ тѣмъ , къ чему наблюденья эти привели, чего труженическая наука добилась — и посмотримъ , къ какому заключенью насъ все это приведетъ .

Всматриваясь, испытую и разсуждая, мы напередъ всего отличаемъ въ природѣ вещество безобразное, то есть такое,

которое есть повсемѣстно, но у котораго нѣтъ своего, особенаго вида, образа: это воздухъ, вода, и смѣсь того и другаго въ парахъ. Это вещества по себѣ мертвыя, но они оживляютъ землю нашу и безъ нихъ не было бы жизни. Вода и воздухъ тяготѣютъ къ землѣ, стремясь къ тому; чтобы устояться въ равновѣсіи, разными причины, о коихъ говорить здѣсь было бы широко, сплошь и рядомъ нарушаютъ это равновѣсіе или покой: воздухъ течетъ туда, куда его поываютъ законы равновѣсія, и обтекаетъ вѣтромъ весь шаръ земной; вода, слѣдуя тому же закону, разливается туда, гдѣ для нея нѣтъ опоры, образуетъ по ложбинамъ потоки, наполняетъ котловины и раздолы озерами и морями, проникаетъ въ глубь земли, и появляется снова ключами и родниками, переходитъ на воздухъ въ пары, образуя туманы, изъ тумановъ облака и тучи, изъ тучъ снова проливается вода, обтекающая, какъ и воздухъ, въ вѣчномъ движеніи, весь земной шаръ.

Ближайшее къ этимъ двумъ общимъ дѣателямъ вещество — земля. Но тутъ уже

нѣтъ того однообразія, какъ въ первыхъ , названныхъ нами *безобразными*: малѣйшая крошка земли есть твердое тѣло, и потому у нея всегда свой образъ или внѣшній видъ ; далѣе, мы по первому взгляду различаемъ множество видовъ земли, и каждый изъ нихъ , сохраняя составъ свой, образуетъ нѣчто отдѣльное, не сливаясь въ одно общее, какъ воздухъ и вода. Вникая глубже въ дѣло, мы убѣждаемся, что число видовъ этихъ природою ограничено, и мы каждому виду даемъ свое имя: называя кремень, мѣль , гипсъ , глину, желѣзную руду, золото, мы понимаемъ друг друга и ясно различаемъ вещества эти, по ихъ свойствамъ . Продолжая наблюденія свои, мы однако усматриваемъ , что кромѣ этихъ особыхъ свойствъ , есть и общее всѣмъ видамъ земель, камней и металовъ , а именно: *тяготѣнье*, *химисмъ*, и *стремленье образовать правильныя гранки*.

Тяготѣнье или вѣскость показываетъ всякое тѣло и вещество, падая на свободѣ, стремясь къ землѣ; вѣское тѣло падаетъ ,

если подъ нимъ нѣтъ соразмѣрной опоры, а лежитъ спокойно тогда только, когда опора эта подъ нимъ не раступается; это сила тяготѣнья и есть то, что мы въ обиходѣ зовемъ *вѣсомъ* тѣла или вещи. Пласть земли вершка въ два, насыпанный для тепла на потолокъ, лежитъ спокойно, хотя его и тянетъ книзу, и онъ гнететь; но если неосторожный хозяинъ насыплетъ земли вполаршина, то эта тяжесть продавитъ накатъ, и обрушится; такъ точно падаетъ всякая вещь, опущеная на воздухъ, въ воду, если она тяжеле среды этой и потому не можетъ удержаться на лету; но она не упадетъ, а будетъ лежать спокойно, или плавать, если подъ нею будетъ довольно упору, то есть, когда она легче этой среды, или ее съ меншею силою тянетъ къ землѣ; такъ дерево не падаетъ или не тонетъ въ водѣ, а пузырь съ легкимъ воздухомъ также не падаетъ, а плаваетъ по воздуху.

Химизмъ, это взаимное, природное сродство веществъ, стремленье ихъ сливаться въ одно, образуя новое вещество; эта сила оказывается только при жидкомъ

состояніи вещества, чрезъ воду или чрезъ огонь, а въ твердомъ тѣлѣ она какбы лежитъ подъ спудомъ: ртуть и сѣра могутъ лежать вмѣстѣ, оставаясь ртутью и сѣрою; но сплавленыя, онѣ раждаютъ вовсе иное вещество: киноварь. Изучивъ силу эту на опытѣ, мы собрали всѣ законы ея въ наукѣ, которую назвали *химіею*, и орудя ея, разлагаемъ и составляемъ вновь разные вещества. Мы можемъ обратить мѣдь и желѣзо въ купоросъ, и обратно, разложить его на мѣдь или желѣзо и на сѣрную кислоту; словомъ, эта сила намъ покорна, и она служить человѣку, какъ для разложенія, такъ и для составленія сложныхъ тѣлъ.

Остается *кристаллизація*, или *сила гранильная*, стремленіе вещества образовать изъ себя кристалы или гранки, такой вѣрности, по размѣрамъ своимъ, какого человѣческое мастерство не можетъ достигнуть. Гранки эти, по веществу глядя, бываютъ крайне разнообразны, но, въ основныхъ чертахъ и углахъ своихъ, въ каждомъ веществѣ всегда одинаковы. Наша

кухонная соль, выдѣляясь изъ крутаго разсолу, всегда строить изъ себя кубики, и легко колетса по двумъ отвѣснымъ направленьямъ, накрестъ; горный хрусталь никогда не образуетъ другой гранки, какъ шестисторонній столбикъ (присму), съ такими жъ откосками по концамъ, и т. д.

Стало быть вот къ чему привелъ насъ опытъ, внимательное, пытливое наблюденъе: всѣ тѣла или вещества, кои мы въ совокупности назвали *землянымъ, горнымъ* или *ископаемымъ царствомъ*, даютъ намъ вотъ какія общія примѣты: они мертвы, неподвижны, косны по себѣ, и повинуются лишь силамъ притяженья разнаго рода, а именно: *тяготѣнью*, или влеченью ко стредоточію земли; *химическому сродству*, или влеченью свободныхъ частицъ разнороднаго вещества другъ ко другу; *гранильной силѣ*, или притяженью однородныхъ частицъ, для постройки правильныхъ геометрическихъ тѣлъ; строенъе ископаемыхъ однообразное, сплошное, мы не видимъ въ нихъ никакихъ орудій или снарядовъ; они растутъ

накопленіємъ частиць снаружи, и остаются такими же, будучи разбиты на части. Не долго думая, мы поневолю называемъ ихъ мертвыми тѣлами, и даже силы, ими орудующія, мертвыми силами, для отличія отъ силъ высшаго разряда, о коихъ теперь будемъ говорить.

Природа дѣлаетъ шагъ впередъ, и для развитія новаго міра, ей даются новыя, отличныя отъ первыхъ, силы: возникаетъ *растительное царство*, или *царство растений*.

Одно слово *ростъ*, указываетъ намъ уже сущность этой разницы: говоря о камнѣ, мы не скажемъ, что онъ растетъ, развѣ только разумѣя, что онъ, при данныхъ условіяхъ, наращаетъ на себѣ слои и образуетъ гранки, тогда какъ всякій понимаетъ, что растеніе растетъ иначе, инымъ и дивнымъ образомъ. Растенію нужна пища, оно тянетъ ее корнями изъ почвы, листьями изъ воздуха и *усвояетъ* ее, то есть, не наращаетъ на себя снаружи, а передѣлываетъ внутри себя, пересоздаетъ, выдѣлываетъ нѣжную клѣтчатку,

тончайшую трубочку волоконцемъ , сращаетъ изъ нея кору, лубъ , блонь, древесину, сердцевину — растить изъ себя вѣтви, павѣтя, листья, цвѣтъ , наконецъ плодъ и сѣмя... это новый міръ , здѣсь силы не мертвыя, а живыя; онѣ такъ сложны, что мы не знаемъ какъ разобрать и разграничить ихъ , и даемъ имъ общее названье: *силы растительной* или *силы усвоенья пищи*.

Эти живыя силы противятся первымъ , мертвымъ , на сколько могутъ , а если вынуждены покориться имъ , то особь или растение пропадаетъ , умираетъ . Притяженіе влечетъ дерево книзу, а оно растетъ кверху; химическое сродство случайно близкихъ веществъ уничтожаетъ , поѣдаетъ части растенья, а оно старается отдѣлаться отъ этого, давая усыхать листьямъ и вѣткамъ своимъ , питая еще растительную жизнь въ прочихъ частяхъ , и выгоняя свѣжіе побѣги. Только мертвое растение вполнѣ подпадаетъ мертвымъ силамъ природы: оно разлагается на составныя начала свои, утучняя почву и

служа въ свою очередь пищею для другихъ орудныхъ тѣлъ ; также поступаетъ и химія съ растеніемъ : она должна лишить его напередъ растительной жизни, даже сжечь, и тогда только можетъ разложить его на составныя начала, и указать, изъ чего оно было создано; но какъ , какими силами оно стало, этого никто указать не можетъ , потому что ни одинъ химикъ не умѣетъ составить снова изъ отысканныхъ составныхъ началъ , не только ни одного растенія, но даже ни одного растительнаго волокна.

Природа ступаетъ еще однимъ шагомъ далѣе, восходитъ на слѣдующую ступень, и созидаетъ царство животныхъ . Здѣсь мы конечно видимъ отчасти тотъ же законъ тяготѣнья — стоя и лежа животное твердо покоится на землѣ, оно также показываетъ тяжесть свою на вѣсахъ — но, будучи на свободѣ, животное можетъ и противиться этому, оно ходитъ , прыгаетъ и летаетъ , наперекоръ мертвой, притягательной силѣ; во внутренней жизни его, мы отчасти также видимъ признаки химическихъ

переворотовъ , но видимъ , въ усвоеніи пищи, въ выработкѣ изъ нея крови, плоти, кости, видимъ и другую силу, сходную съ тою, которую уже наблюдали въ растенъи. Ни одинъ химикъ не умѣетъ составить каплю крови, мясное волоконецъ или хотя одинъ волосокъ ; онъ только можетъ разложить уже мертвыя части животнаго, и сказать, изъ чего онѣ были составлены.

До сей мѣры растенъе и животное одинаковы, почему оба царства эти зовутся *орудными*, то есть, въ нихъ нѣтъ однообразнаго, плотнаго состава ископаемаго царства, а тѣло, представляя нѣчто цѣлое, законченное, образовалась изъ бесконечнаго числа сосудовъ или орудій разнаго вида. Всѣ орудія эти служатъ для поддержанья жизни, и всѣ требуютъ непрерывнаго обновленья мельчайшими частицами: животное требуетъ пищи, не можетъ жить безъ нея, потому что усваиваетъ пищу эту, превращаетъ ее въ кровь, плоть, кожу, кость, однимъ словомъ , въ свое вещество, и этимъ замѣняетъ ветхую, отжившую плоть своего тѣла,

выкидывая ее какъ болѣе негодную. Но тутъ являются опять новыя силы: *чувство*, или *чувства*, если ихъ разбирать порознь; *свобода движенья*, и наконецъ, еще даръ высшаго разряда, качество *умственное*. Очевидно за симъ, что послѣднее животное стоитъ несоизмѣримо (качественно) выше растенья, и что мы тутъ вступаемъ въ новый міръ: это умственное въ животномъ зовутъ *побудкою*, или чужимъ словомъ *инстинктъ*, неудобнымъ для нашего выговора, и вовсе лишнимъ, потому что у насъ есть на это свое слово. Значенье побудки мы объяснимъ, когда скажемъ нѣсколько словъ о человѣкѣ.

Человѣкъ — это высшая степень, до коей земная природа наша, созидательною волею Творца, достигла. Кто не слышитъ самъ въ себѣ голоса, который говорить: ты не полоса мяса, а разумный духъ, заключенный въ костяную клѣтку! Кто не понимаетъ, внутри себя, что кожа, кость и мясо не можетъ мыслить, ни жалѣть и любить, ни хотѣть, бояться и рѣшаться? Еслибы въ комъ могла родиться на это хотя тѣнь

сомнѣнья, то ему стоитъ только взглянуть на трупъ, на мертвого человѣка, и онъ опомнится. Въ трупѣ все устройство то же, видимаго для насъ ничего не измѣнилось — а между тѣмъ, это уже вещь, а не человѣкъ; чего же нѣтъ тутъ, что ушло? Ушло то, что правило этимъ трупомъ, что мыслило и чувствовало въ этой клѣткѣ, которая теперь покинута на волю мертвымъ силамъ; она разлагается, и, какъ всякое орудное существо, идетъ на удобренье, на питанье другихъ, орудныхъ же тѣлъ.

Если же это *нѣчто* могло отдѣлиться отъ тѣла, покинуть его, то оно не было одно съ нимъ, и *тѣло* и *душа* два отдѣльные существа, слитыя лишь для временной, земной жизни въ одно цѣлое. Тѣло слуга души, оно служитъ ей членами и орудіями чувствъ своихъ, покуда не изнеможетъ, не обветшаетъ до негодности — тогда душа покидаетъ его, и уносится въ область свою, въ міръ духовный.

Чѣмъ же человѣкъ отличается отъ животнаго, что мы его вовсе отдѣлили, и ставимъ въ особое, высшее на землѣ

царство, и за симъ признаемъ: *царство ископаемое, царство растительное, царство животное, и царство челоѣка?*

Кромѣ свободы движенія и кромѣ чувствъ, животное отличается отъ растенія своею дѣятельностью, неодолимымъ побужденіемъ, дѣлать то, что ему нужно. Этотъ даръ мы зовемъ *побудкой*; онъ одинъ и тотъ же во всѣхъ животныхъ одного вида; побудка безотчетна, безсознательна, слѣпа; животное не учится ей, не перенимаетъ ее, а рождается и умираетъ съ нею. Въ побудкѣ животнаго слить въ одно разсудокъ или извѣстная степень разума, пониманія, и воля, хотѣнье его, и одно отъ другаго не отдѣляется; животное не разсуждаетъ и не заключаетъ, а слыша въ себѣ потребность, надобность, въ то же время дѣйствуетъ. Животное не нуждается въ умственномъ или нравственномъ воспитаніи; какъ оно выросло и вошло во всѣ года, такъ оно готово, для жизни своей, и остается однимъ и тѣмъ же во всѣхъ поколѣніяхъ. Въ немъ нѣтъ никакихъ нравственныхъ понятій, оно не знаетъ, что такое добро и зло; оно знаетъ

только насущное, живетъ со дня на—день — а если готовить себѣ запасы, какъ хомякъ или сѣноставецъ, то дѣлаетъ это не по разсудку не по наставленью старшихъ, а безсознательно, по побудкѣ. Ремезъ (синичка) свиваетъ хитрое гнѣздышко свое кошелемъ, не учась этому ни у кого, и вьетъ его всегда и вездѣ одинаково. Ни одно животное не строить себѣ никакой одежды, не готовить придуманнаго оружія или иныхъ снарядовъ — и наконецъ, у животнаго есть, отъ природы, крикъ призывный, крикъ отчаянья, опасности, но нѣтъ потребности въ словесной речи, потому что нѣтъ ума и сужденья, и нѣтъ способныхъ для языка орудій: животное безсловесно.

Человѣку, напротивъ, данъ самостоятельный разумъ, и дана воля: онъ долженъ напередъ разсудить, а потомъ сдѣлать. Ему дано и нравственное чувство, и совѣсть; онъ отличаетъ свое я, свою личность, отъ остальнаго міра; онъ можетъ образовать отвлеченныя понятія, тоестъ, не только постигать достигаемое чувствами, но

и выводить изъ этого общія истины; онъ можетъ послушаться голоса совѣсти и голоса разсудка, можетъ и не дѣлать того, чего бы хотѣлось, понимая, что это дурно — и можетъ не послушаться; разумъ и воля у него двѣ разныя силы и нерѣдко тянуть въ разныя стороны. Наконецъ, только человѣкъ одинъ можетъ возвыситься до понятія о Богѣ и о вѣчной жизни.

Если бы отъ меня потребовали разграниченія природы въ самыхъ короткихъ и ясныхъ чертахъ, то я бы объяснилъ такъ : *Ископаемое* — это вещь, оно управляется мертвыми силами природы и въ немъ нѣтъ никакого слѣда жизни. *Растенье* — полусущество, полувещь: въ немъ работаетъ живая (но не животная) сила надъ усвоеніемъ пищи, выдѣлывая свое тѣло изъ посторонняго вещества. *Животное* — живое существо, съ безсознательною побудкою. *Человѣкъ* — свободное и сознательное существо, съ разумомъ, съ волею, съ нравственнымъ чувствомъ и съ тайникомъ совѣсти.

Дойдя въ земной природѣ до человѣка, мы должны на немъ остановиться, потому что выше его ничего нѣтъ. Онъ одаренъ такими духовными и нравственными свойствами, въ какихъ бы ему, для земной жизни, не было надобности. Разумъ и совѣсть меня только стѣсняютъ и тревожатъ на каждомъ шагу; нравственное чувство велитъ мнѣ заботиться болѣе о другихъ, чѣмъ о себѣсамомъ; оно требуетъ отъ меня, чтобы я не давалъ воли порывамъ страстей, чтобы я самъ себя держалъ въ рукахъ; къ чему же все это, коли невидимое я, что внутри меня отзывается, не должно жить долѣ моего хилаго тѣла? Коли тому, что теперь такъ ясно и сознательно во мнѣ живетъ, назначено жить только покуда я ѣмъ и пью, то не было бы никакой надобности въ духовномъ существѣ моемъ, и его не могло бы быть во мнѣ: во всей природѣ нѣтъ ни одной бесцѣльной вещи, и потому это была бы бессмыслица. А для чего же данъ намъ разумъ, коли не для того, чтобы отказываться отъ бессмыслицы?

Доводя земную природу постепеннымъ развитіемъ до высшей точки, какой она можетъ достигнуть, Творецъ немогъ отсѣчь здѣсь внезапно нить жизни или бытія, это опять была бы безсмыслица. Изученіе всей земной природы или естественныя науки, развивая передъ нами дивную стройность мірозданія и бесконечную премудрость сцѣпленія причинъ и слѣдствій, средствъ и цѣлей, никакъ не допускаютъ бесмысленнаго вывода, что все это ни къ чему, что мірозданіе отсѣкается, достигнувъ высшей точки своей, и сознательное бытіе прекращается!

И развѣ каждый изъ насъ не слышитъ въ себѣ голоса, что умственная и нравственная жизнь его не кончена, что духъ его не жилъ еще, а только бился въ путяхъ своихъ, порываясь на волю?

Смерть наша есть лишь продолженіе мірозданія; смерть тѣла есть лишь освобожденіе духа, коего жизнь тогда только и начинается! Мы родимся на смерть, а умираемъ на жизнь.

Создатель вселенной мыслить математикой: каждая дума его есть мгновенно разрѣшенная математическая задача, правая и вѣчная, какъ дважды два четыре, и дума или слово его есть дѣло, она въ тотъ же мигъ свершается. Вѣка текутъ за вѣками, словно бой секунднаго маятника, и стройно, мѣрно создается вселенная по этому бою... все идетъ вѣчно впередъ, къ бесконечно удаленной, невидимой цѣли.

Да, есть жизнь загробная, духовная, и всякъ самъ ее для себя строить. Ни нарядовъ своихъ, ни богатства никто съ собой не заберетъ, прахъ останется во прахѣ, для утучненія земли — но что душа запасетъ, то и съ собой унесетъ. Человѣку не дано побудки, за которую онъ бы и не могъ дать отвѣта, потому что она невольная, а даны, какъ мы показали, разумъ и воля порознь, да еще нравственное чутье, совѣсть; задача земной жизни его: согласованье, по совѣсти, разума съ волей, покоренье ея и сліянье въ одно съ первыми. На сколько кто этого достигнетъ, на

столько онъ возраждается, подымается выше и выше въ духовной жизни, сближаясь съ истиною и съ любовью, то есть съ Богомъ; на сколько кто отвращается отъ исполненія этой задачи, на столько онъ падаетъ все ниже и ниже, тонетъ и грязнетъ, удаляется отъ жизни въ любви и въ истинѣ, сближается съ жизнью животнаго, и самъ губить вѣчность свою!

В. ДАЛЬ.